

ГЕОГРАФИЯ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: мировой порядок, геополитика, Хартленд, Римленд, война (тотальная, ограниченная, горячая, холодная, прокси, гибридная) и мир, инструментарий жесткой и мягкой силы, глобализм, регионализм, транснациональные политические пространства, Транс-Арктика, Транс-Атлантика, Транс-Тихоокеания, ООН, НАТО, Большая Евразия, ШОС, БРИКС, баланс сил.

Tempora mutantur et nos mutamur in illis

80 лет тому назад, в 1944 г., незадолго до окончания Второй мировой войны, под интригующим названием «География мира»¹ была опубликована знаменитая работа Николаса Джона Спикмана², одного из основоположников концепции «сдерживания» и сторонника классического реализма в американской политологии. Интригу событию добавлял тот факт, что автора этой 66-страничной брошюры, по своему интеллектуальному весу дающей фору многим монографиям, к моменту ее выхода уже не было в живых. Но ведь Спикман был очевидцем коренного перелома во Второй мировой войне, ознаменованного победоносной Сталинградской битвой (02.02.1943) и битвой на Курской дуге (05.07.1943 — 23.08.1943).

Латинская поговорка гласит: «Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними». Но взгляды этого знаменитого геополитика не теряют актуальности и сегодня, хотя предстающая перед нами картина современного мира, рассматриваемая через призму геополитики, увя, уже далека от «географии мира». Её вполне отражает понятие «география гибридной войны», нередко рассматриваемой современными политологами как преддверие Третьей мировой войны. Иногда в контексте гибридной войны упоминаются «серые зоны», под которыми понимается виртуальное пространство между миром и войной. Порой в российской политологии термин «серая зона» трактуется как «исчезновение четко очерченных различий между угрозами внутри страны и внешними угрозами, размывание “непроницаемости” национальных границ»³.

Если же исходить из географических реалий, то, набравшись смелости, можно взглянуть на географию современного миропорядка, опираясь на постулаты⁴ не только Николаса Спикмана, но и знаменитого английского географа и геополитика сэра Хэлфорда Джона Маккиндера (15.02.1861 — 06.03.1947), создателя теории «Хартленда»⁵.

Среди наших российских современников, пожалуй, наиболее полно исследовал философию геополитики профессор Э.А. Поздняков. Но и он констатировал: «В мире возникла новая геополитическая ситуация, значение которой для последующего развития человечества, похоже, еще не до конца осознается»⁶. Порожденная «главным образом быстрым “уплотнением” земного политического пространства и столь же быстро возрастающей взаимозависимостью государств»⁷, геополитика в условиях сужения пространства для безопасного маневра не мог-

¹ *Spykman N.J. The Geography of the Peace / Ed. by Helen R. Nichol, introduction by Frederick Sherwood Dunn. — N.Y.: Harcourt, Brace and Company, 1944. — 66 p.*

² Американец голландского происхождения.

³ *Дронов М.В. Гибридная война как доктринально оформленный тип агрессии США и НАТО // Теории и проблемы политических исследований. — 2023. — Т. 12. — № 8А. — С. 62–71. — DOI: 10.34670/AR.2023.12.10.008.*

⁴ «Тот, кто доминирует над Римленд (прибрежной полосой, окружающей Хартленд с запада, юга и юго-востока. — *Е.Л.*), доминирует над Евразией; тот, кто доминирует над Евразией, держит судьбу мира в своих руках».

⁵ *Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. — 1904. — Vol. 23. — No 4. — P. 421–437.* Максимумы Х. Маккиндера гласят: «Кто контролирует Восточную Европу, тот контролирует Хартленд; кто контролирует Хартленд, тот контролирует Мировой остров; кто контролирует Мировой остров, тот контролирует весь мир».

⁶ *Поздняков Э.А. Философия политики. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Весь мир, 2014. — С. 488.*

⁷ Там же.

ла не сказаться на формировании новых военных стратегий и тактики. В свое время известный теоретик войны Карл фон Клаузевиц констатировал: «Какую бы форму ни принимали средства, которыми пользуются участники войны, главные линии, по которым развиваются связанные с ними военные события, начертаны политикой, влияющей на войну вплоть до мира»⁸.

Жизнь доказала, что в современных условиях взаимозависимости оптимальным становится инструментарий именно гибридной войны как менее затратный, размытый и трудно уличаемый в своей вредоносности. И здесь на помощь военным теоретикам пришел концепт «мягкой силы» (*soft-power*), разработанный американским политологом Дж. Наем⁹. Не заставили себя долго ждать и модификации силы. В реальную политику быстро стали внедряться элементы «умной», «разумной» и «резкой» силы (*smart-power, intelligent-power, sharp-power*). «Силловые вариации» внешней политики быстро завоевали популярность практически во всех регионах мира. Но основной «водораздел» все же прошел между коллективным Западом и РФ. «Масштабы развернутой Западом работы (*против РФ*. — *Е.Л.*) позволяют говорить о необъявленной гибридной войне», — отмечал еще в конце 2017 г. директор Службы внешней разведки РФ Сергей Нарышкин¹⁰.

В этом контексте закономерно встают следующие вопросы. Какими геополитическими факторами определяется разворачивающаяся сегодня мировая гибридная война? Каков её пространственный охват? Сколь пристального внимания требуют такие географические нюансы, как плотность и этнический состав населения, экономическое районирование, традиционные ценности? Разумеется, каждый из поставленных вопросов требует глубокого, скрупулезного анализа, что проблематично в рамках одной статьи. Затронем их тезисно.

Со всей очевидностью в инструментарии развернувшейся гибридной войны просматриваются такие мягко-силовые «средства», как разжигание торговых войн, соперничество в гонке за лидирующие позиции в глобальном технологическом укладе, внешнеполитические баталии по вопросам свободы судоходства и поддержания статус-кво в стратегически важных мировых бассейнах (проливах, морях, каналах), строительство новых транспортно-логистических коридоров. Сегодня широко используются в гибридной войне и экономические рычаги — бесконечные пакеты санкций, манипуляции с реформатированием глобальных замкнутых цепочек добавленной стоимости, блокировка доступа к передовым технологиям, ставшая фактически клонированием стратегий холодной войны, в частности, реализовывавшихся посредством *CoCom*¹¹ и *CHINCOM*¹². В 1996 г. они были подменены «демократичными» Вассенаарскими договорённостями¹³, к которым, кстати, присоединилась и Россия. Но, как показала практика, этот контрольный режим так и не обеспечил нераспространение обычных вооружений, товаров и технологий «двойного назначения». Не меньший размах приобрели методы психологических манипуляций, игра на внутривнутриполитических противоречиях, обусловленных национальными, религиозными, гендерными, историческими традициями.

⁸ Клаузевиц. О войне. Т. 2. — 3-е изд. — М., 1936. — С.377–378.

⁹ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. — N.Y.: Public Affairs Group, 2004.

¹⁰ Нарышкин заявил о ведении США гибридной войны против стран СНГ. — <http://www.rosbalt.ru/russia/2017/12/19/1669627.html>

¹¹ Coordinating Committee for Multilateral Export Controls — Координационный комитет по экспортному контролю был создан в 1949 г. в целях многостороннего контроля экспорта западных технологий в СССР и другие соцстраны. Штаб-квартира организации базировалась в Париже, но de-facto она контролировалась из Вашингтона. Поскольку эта международная организация прекратила своё существование лишь 31 марта 1994 г., в несколько смягченном варианте под ее санкциями успели побывать и страны СНГ.

¹² CHINCOM (China Committee) — пролоббированная Вашингтоном в сентябре 1952 г. структура, призванная накладывать эмбарго на торговлю западных стран с КНР. Такой антикитайский курс проводился Вашингтоном под «флагом» выполнения резолюции ООН (май 1951 г.), предполагавшей санкции в отношении Пекина за его участие в Корейской войне.

¹³ The Wassenaar Arrangement.

À la guerre comme à la guerre¹⁴

В современной политологии нет единства мнений по поводу термина «гибридная война». Кто-то его вообще отвергает, считая оксюмороном¹⁵. Кто-то апеллирует к классификации знаменитого немецкого военного теоретика XIX века Карла фон Клаузевица, рассматривавшего войны как тотальные и ограниченные. А кому-то привычнее стало оперировать терминами «горячая», «холодная» и «опосредованная»¹⁶ война.

Но все же ключевым словом является **война**. И используемое в наше время понятие «гибридная война» вобрало в себя всего понемногу от всех типов войн. Наиболее полно, пожалуй, это отражается в определении гибридной войны, предложенном экспертом Лиги военных дипломатов А.А. Бартошем. Он рассматривает современную гибридную войну, принявшую мировой характер, как «многомерный межцивилизационный военный конфликт, в ходе которого государства прибегают к целенаправленному адаптивному применению как военно-силовых способов борьбы, так и экономического удушения противника, использования подрывных информационных и кибертехнологий»¹⁷.

С начала 2000-х годов практически на всех мероприятиях Североатлантического альянса значительное место отводится проблематике гибридной войны. В преддверии юбилейного саммита НАТО (75-летие альянса) на ее сайте появился любопытный материал, озаглавленный «Противодействие гибридным угрозам»¹⁸. В нем речь идет «об угрозах и вызовах со стороны как государственных, так и негосударственных субъектов, использующих гибридную тактику для нападения на политические институты, для влияния на общественное мнение и подрыва безопасности граждан». При этом документ раскрывает такие гибридные методы ведения войны, как пропаганда, обман, саботаж и невоенные тактики, издавна используемые для дестабилизации противников. В качестве «новизны» момента отмечается «скорость, масштаб и интенсивность гибридных атак, обусловленных быстрыми технологическими изменениями и глобальной взаимосвязанностью». Примечательно, что в материале особо акцентируется «наличие у НАТО собственной стратегии противодействия гибридной войне и готовности защищать Альянс и всех союзников от любой угрозы как обычной, так и гибридной»¹⁹.

Иными словами, развернутая сегодня коллективным Западом гибридная война против России и дружественных ей стран вполне может трактоваться и как разновидность тотальной войны, войны на уничтожение, но на нынешнем этапе в ограниченно горячей фазе (финансово-экономическая и военно-технологическая поддержка силовых операций Вооруженных сил Украины) с превалированием мягко-силового инструментария. Одновременно в этой гибридной войне четко просматривается геополитическая составляющая, свойственная (по К. фон Клаузевицу) ограниченным войнам.

Характерна для современной гибридной войны и весомая идеологическая компонента, что, безусловно, сближает ее с холодной войной XX века. Напомним, что под холодной войной подразумевался период противостояния двух мировых социально-экономических систем (капиталистической и социалистической), которое проявлялось в глобальном соперничестве в сфере геополитики, военных технологий, экономики и идеологии. Хронологически противостояние определялось рамками 1946–1991 годов. То есть вплоть до распада СССР и курируемых им военно-политического блока «Организация Варшавского договора» (ОВД) и интеграционного объединения «Совет Экономической взаимопомощи» (СЭВ).

При этом культивирование в мировой социалистической системе лозунга «мирное сосуществование» суть дела не меняла. Достаточно вспомнить основные постулаты досконально

¹⁴ «На войне как на войне» — французский фразеологизм.

¹⁵ В психологии так именуется способ разрешения необъяснимой ситуации.

¹⁶ Проху-war (англ.) — война чужими руками, война по доверенности.

¹⁷ Бартош А.А. США делают ставку на мировую гибридную войну / Вашингтон разрабатывает стратегии и тактики нерегулярных конфликтов. — https://nvo.ng.ru/concepts/2023-11-30/1_4_1264_hybridwar.html

¹⁸ https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_156338.htm?selectedLocale=en

¹⁹ Там же.

изучавшегося в вузах СССР и стран народной демократии ленинского труда «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

В нем, в частности, подчеркивались два важных для успешного противостояния момента: 1 — необходимость «овладеть всеми, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности», 2 — готовность «к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другой»²⁰. Советский народ жил с девизом «Готов к труду и обороне!».

Примечательно, что классик в упомянутой работе сделал весьма актуальный и для нашего времени вывод: «Неразумно или даже преступно поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля. **Но к политике это еще более относится, чем к военному делу.** В политике еще меньше можно знать наперед, какое средство борьбы окажется при тех или иных будущих условиях применимым и выгодным для нас. Не владея всеми средствами борьбы, мы можем потерпеть громадное — иногда даже решающее — поражение, если независимые от нашей воли перемены <...> выдвинут на очередь дня такую форму деятельности, в которой мы особенно слабы. **Владея всеми средствами борьбы, мы побеждаем наверняка, <...> даже если обстоятельства не позволят нам пустить в ход оружие, наиболее для неприятеля опасное, оружие, всего быстрее наносящее смертельные удары**²¹ (курсив и купюры мои. — Е.Л.).

Что же касается географического охвата вовлеченных в современную гибридную войну игроков, то, как это ни печально, она уже вполне может претендовать на статус Третьей мировой войны. И сегодня «понятийная гибридность» позволяет как нельзя лучше описывать реалии противостояния XXI века, хотя по существу используемые в нем стратегии «стары как мир».

Соответственно, как констатировал древнеримский военный историк и теоретик Публий Флавий Вегетий Ренат, «хочешь мира — готовься к войне»²². В условиях гибридной войны против РФ на первый план выходит отражение экономических, информационных атак коллективного Запада, блокирование исходящих от него киберугроз.

Bellum omnium contra omnes

Введенное Томасом Гобсом в социальную философию понятие «война всех против всех» описывало звериную, эгоистичную природу людей до выработки ими некоего «общественного договора», легшего в основу института власти, государства. Своеобразным триггером к разработке выше приведенного понятия стало известное латинское изречение *Homo homini lupus est*²³, пришедшее к нам из комедии древнеримского автора Плавта *Asinaria* («Комедия об осликах»).

В наше время встает вопрос, действительно ли закономерна гибридная война как проявление человеческой сущности? Реален ли некий «общественный договор» по прекращению гибридного противостояния, или нас ждут лишь ситуативные перемирия?

Отчасти ответы можно найти в геополитическом трактате Спикмана. Причем, для раскрытия заявленной темы особого внимания заслуживает его 1 глава, озаглавленная «География в войне и мире»²⁴. Представленные в ней соображения о «политической организации мира» позволяют по-новому взглянуть на связь геополитики с гибридной войной, инструментарий которой в, казалось бы, мирных условиях несёт серьёзную угрозу безопасности государств. Спикман не оперировал термином «гибридная война». Но он акцентировал опасность недооценки фундаментальных ценностей наций: «Во-первых, государства имеют очень разные наборы ценностей, которые каждое из них считает фундаментальными. И при всей доброй воле к миру они не станут из-за них избегать конфликтов. Не откажутся они и от прессинга для достижения этих ценностей, от того, что они считают оправданными целями». «Более того, —

²⁰ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // ПСС. — 5-е изд. — Т. 41. — С. 81.

²¹ <https://marxism.online/lenin-v-i/volume-41/81/>

²² «Si vis pacem, para bellum».

²³ «Человек человеку волк» (лат.).

²⁴ Geography in war and peace. — P. 3–7.

утверждает Спикман, — каждое государство будет исходить из задачи защиты, при необходимости даже силой, ценностей, которые оно сочтёт жизненно важными»²⁵.

Геополитик также призывал при решении вопросов международной безопасности не упускать из виду тот факт, что страны «находятся на разных стадиях развития и демонстрируют разные темпы роста», поэтому среди них всегда есть «удовлетворенные и недовольные существующим политическим и территориальным статус-кво». На основании этого Спикман предостерегает: «Когда такое недовольство достигнет определенной точки, будут предприняты усилия по изменению ситуации силовым путем. Дух сотрудничества и терпения не является защитой от решительного стремления к переменам»²⁶.

Можно констатировать, что в какой-то мере Спикман предвидел наличие «серых зон» между миром и войной. Новое преломление получает в современных условиях глобализации и взаимозависимости подход Спикмана к потенциалу межгосударственной кооперации и взаимотерпимости. Предлагая не сводить все к одной географии, он особое внимание концентрирует на факторах, обуславливающих формирование миропорядка: «Их много; они постоянны и временны, явны и скрыты; они включают, помимо географии, плотность населения, экономическую структуру страны, этнический состав народа, форму правления, комплексы и любимые предрассудки министров иностранных дел, а также идеалы и ценности, которых придерживается народ». Именно их геополитик должен использовать, «чтобы помочь сформулировать руководство к действию»²⁷. Особенно в ситуации, когда ключевые места в миропорядке переходят к международным организациям, альянсам и объединениям. Ведь они-то и становятся сильными игроками «на пространстве между миром и войной», на поле мировой гибридной войны.

В этом плане весьма показательна стратегия гибридной войны, разрабатываемая Североатлантическим альянсом и Евросоюзом. Проводятся специальные мероприятия по оперативному слаживанию спецподразделений членов и партнеров альянса в рамках военных учений, адаптированных к условиям гибридной войны. К примеру, сценарии борьбы с проявлениями гибридной войны отрабатывались в ходе натовских учений «*Nighthawk 21*» (учения Северной Европы для войск специального назначения *Night Hawk 2021* проходили с 27 сентября по 7 октября) в Дании. Тогда на них отрабатывалась слаженность сил специальных операций из 13 стран-членов и партнеров НАТО.

Альянс имеет в мире широкую сеть аналитических центров, занимающихся проблематикой гибридной войны. В том числе, по решению саммита НАТО в Варшаве, в 2016 г. создана профильная платформа Украина-НАТО. В 2017 г. генсек НАТО Йенс Столтенберг совместно с верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности/вице-президентом Еврокомиссии Федерикой Могерини открыли Европейский центр передового опыта по противодействию гибридным угрозам в Хельсинки (Финляндия). Есть Центры передового опыта по противодействию гибридным угрозам в сфере стратегических коммуникаций в Риге (Латвия), в сфере совместной киберобороны в Таллине (Эстония), в сфере энергобезопасности в Вильнюсе (Литва). Научно-образовательную деятельность в сфере гибридных угроз курирует Военно-морская аспирантура в калифорнийском Монтерее (США).

Исходя из географических и геополитических особенностей современности, неизбежно напрашиваются следующие выводы. Превалирующим в геополитике регионом становится Большая Евразия. И именно в ней сохраняет свою значимость «Хартленд». А вот географические координаты спикманского Римленда заметно смещаются на север и северо-восток под воздействием глобального потепления, усиления геополитического накала на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и в прилегающих к ним акваториях. Особую роль в Большой Евразии призваны сыграть такие набирающие вес международные структуры, как РИК, БРИКС, БРИКС+, ШОС, ЕАЭС, ОДКБ. С их развитием связаны и перспективные транспортно-логистические коридоры Большой Евразии. Но при этом чрезвычайно важно не впадать в иллюзии и не абстрагироваться от ситуативного характера партнерских отношений. Тут со Спикманом

²⁵ The geography of the peace. — P. 4.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid. — P. 7.

не поспоришь: в геополитике статус-кво недолговечно. Успех же на этом пространстве будет определяться решением такой непростой задачи, как формирование бескомпромиссного ответа на усиливающиеся гибридные вызовы и угрозы со стороны коллективного Запада.

Возможно, в этом контексте стоит использовать опыт западных наработок в сфере гибридного противостояния. Как вариант, целесообразно задуматься над созданием коллективного органа по отражению киберугроз, защиты от психологического и идеологического прессинга, по противодействию массовой дезинформации, манипуляциям с национальным самосознанием населения. По-видимому, потребуется перепрофилирование имеющихся и создание новых спецподразделений в рамках ОДКБ, в том числе в районе северного и северо-восточного Римленда Евразии, принадлежащего виртуальному пространству Транс-Арктики.